

Когда экран телефона загорелся, Му Тан спал, уткнувшись лицом в учебный стол в общежитии.

Полуденное солнце пробивалось сквозь тюль, отбрасывая мелкие блики на нотные листы. Место Чжоу Мина пустовало — должно быть, он заранее ушел занимать места на лекции Нань Тана в Южном корпусе. Му Тан резко выпрямился, чувствуя в железе на затылке остаточное покалывание. Ощущение от утренней встречи с Нань Таном у озера было слишком отчетливым: запах шампанского вперемешку с ароматом старых книжных страниц, словно перышко, весь день щекотал его сердце.

Он схватил телефон. Фотография троих парней на экране заставила его зажмуриться. Время — 14:49. Красные цифры больно кольнули в виски.

— Черт! Я попал, я попал! — воскликнул он.

Му Тан буквально подпрыгнул со стула. Лекция Нань Тана начиналась в три, а он проспал.

Он в панике схватил куртку, в голове царил хаос. В воспоминаниях прежнего владельца тела точно была информация о кабинете, но сейчас, как бы он ни рылся в памяти, перед глазами всплывали лишь статуя Бетховена да фонтан на площади. Он открыл заметки в телефоне и пролистал несколько страниц, прежде чем нашел сообщение, присланное Чжоу Мином утром: Западный корпус, 307, главный концертный зал кафедры фортепиано.

— Западный корпус... — Му Тан, стиснув зубы, бросился к выходу. В коридоре мимо него торопливо проходили студенты с нотами в руках. Смешанные запахи феромонов — приторно-сладкий персик, горьковатый зеленый чай — ударили в нос, вызывая неприятное жжение.

Пока он спал, действие подавителя, похоже, ослабло: из-под воротника едва уловимо тянуло сладостью, заставляя проходящих мимо альф то и дело оглядываться.

— Проклятье, — Му Тан застегнул куртку до самого подбородка и почти бегом влетел в лифт. Спускаясь, он смотрел, как за окном кабины удаляется искусственное озеро, и сердце вдруг пропустило удар — он вспомнил место, где утром бросал камни.

Лифт с тихим звоном открылся. Му Тан побежал по указателям на запад. Стены Западного корпуса густо поросли диким виноградом, зеленые лозы блестели на солнце. Табличка 307 была в конце коридора, оттуда уже доносились голоса.

До трех оставалось две минуты.

Му Тан выдохнул и только собрался толкнуть дверь, как за спиной раздалось насмешливое хмыканье.

— О, неужели это младший господин семьи Му? А я уж думал, ты сегодня не придешь.

Он обернулся и встретился с полными издевки глазами. Парень был одет в безупречную белую форму, на воротнике красовался серебряный музыкальный значок, а на запястье поблескивал подавитель с мелкими бриллиантами — типичная модель для омег, куда изящнее грубых металлических браслетов альф.

— Мы знакомы? — Му Тан нахмурился. В памяти не было этого человека, но от него исходил запах гардений, пропитанный неприкрытой враждебностью, словно покрытый коркой льда.

— Ли Вэй, вокальное отделение, — парень взмахнул рукой, поправляя прядь волос, и мазнул взглядом по его воротнику. — Слышал, утром кое-кто видел, как ты «случайно» встретился с преподавателем Нань Таном у озера? Ну да, с фамилией Му за спиной легко познакомиться с кем угодно.

Его язвительный тон жалил, как игла. Му Тан только собрался ответить, как дверь аудитории внезапно открылась.

Нань Тан стоял на пороге. Воротник его белой рубашки был застегнут до последней пуговицы, а в руках он держал ноты в черной обложке. Его взгляд на полсекунды задержался на лице Му Тана, а затем переместился на Ли Вэя. Голос прозвучал холоднее, чем утром:

— Входите.

Ли Вэй скривился, промолчал и, проходя мимо, нарочно толкнул Му Тана плечом.

Тот проглотил обиду и вошел в 307-ю. Концертный зал оказался намного больше, чем он ожидал: темно-красные бархатные кресла располагались амфитеатром, а в центре стоял рояль Steinway с открытой крышкой, отражавшей свет ламп. Чжоу Мин сидел в третьем ряду и, увидев его, замахал рукой, но свободных мест рядом уже не было.

— Сзади есть свободные места, — раздался голос Нань Тана за спиной.

Му Тан обернулся, встречаясь с его спокойным взглядом. Ему показалось, или в воздухе действительно уловила едва заметная нотка шампанского? Она не была агрессивной, как феромоны альф, а скорее напоминала освежающую игристость, совершенно не похожую на то, что он запомнил утром.

Он не стал переспрашивать и быстрым шагом прошел на последний ряд. Как только он сел, Нань Тан поднялся на кафедру и положил ноты на пюпитр.

— Прежде чем начать, скажу пару слов, — он обвел взглядом аудиторию, задержавшись на Ли Вэе и Му Тане. — В стенах консерватории не приветствуются сплетни за спиной, а тем более — опоздания, сопровождаемые гадостями в адрес других. Раз уж пришли, направьте всё свое внимание на музыку.

Лицо Ли Вэя мгновенно залилось краской, он опустил голову, делая вид, что листает ноты. У Му Тана тоже горели уши, он выпрямился, стараясь выглядеть собранным.

Нань Тан больше не возвращался к инциденту и начал лекцию. Его голос был негромким, но обладал странной проникающей силой, каждое слово отчетливо оседало в сознании слушателей.

— Сегодня мы разберем Третий фортепианный концерт Рахманинова, который все называют просто Рах-три, — он подошел к роялю, пальцы легко коснулись клавиш, но он не стал играть сразу. — Это произведение считается одним из самых сложных в мире. Не только из-за технической виртуозности, но и из-за того, что оно требует от исполнителя предельной эмоциональной отдачи.

Его пальцы опустились на клавиши, и когда прозвучала первая нота, Му Тан затаил дыхание.

Аккорды в басовом регистре напоминали рифы, скрытые в глубоком море, — тяжелые, давящие. Следом мелодия правой руки, подобно юркой рыбе, устремилась вверх, рассыпаясь мелкими высокими нотами, словно лунный свет на воде. У Нань Тана были длинные, узловатые пальцы. Он контролировал силу нажатия с пугающей точностью: в каждом движении чувствовалась почти элегантная жестокость, а при подъеме пальцы становились легкими, как пух.

Раньше, в учебных классах своего колледжа, Му Тан пытался играть отрывки из Рах-три. Тогда ему казалось, что самое сложное — это беглые пассажи и октавные прыжки. Но услышав, как Нань Тан переходит ко второй теме, он вдруг понял, что значит «эмоциональная отдача».

Мелодия внезапно стала нежной, аккорды правой руки — невесомыми, словно весенний ветер, скользящий по глади озера, наполненный призрачным теплом. Му Тан почувствовал, что запах шампанского стал отчетливее, смешавшись с древесным ароматом рояля. Железа на затылке снова зачесалась, сильнее, чем утром у озера, словно внутри что-то рвалось наружу, стремясь преодолеть оковы подавителя.

— Обратите внимание на фразировку, — Нань Тан прервал игру, указывая пальцами на клавиатуру. — В произведениях Рахманинова скрыто много дыхания, подобно вдоху и выдоху в пении. Нельзя обрывать фразы слишком резко.

Он повторил отрывок, на этот раз замедлив темп. Му Тан следил за его руками, за тем, как поворот запястья меняет звучание, как из одной и той же клавиши можно извлечь разные оттенки звука. Технические трудности, от которых он раньше приходил в отчаяние, в руках Нань Тана превращались в текучий поток — казалось, клавиши только и ждали такого обращения.

— Бас в левой руке должен быть устойчивым, как фундамент, поддерживающий мелодию правой, но не перетягивающий внимание на себя, — Нань Тан повернулся боком, показывая левую руку. — Многие совершают ошибку, думая, что в Рах-три чем сильнее удар, тем лучше.

Это не так. Весь секрет в балансе: когда нужно — это горный поток, когда нужно — тихий вздох.

Его пальцы порхали над клавишами: то мощный удар, от которого вибрировал корпус рояля, то легчайшее касание, от которого ноты звенели, как тончайшие нити. Му Тан был заворочен, он даже забыл о зуде на затылке. Он вспомнил свою старую, пожелтевшую от времени пианино в обшарпанном классе и то, как раньше верил: если играть достаточно сильно, можно найти свой собственный голос.

— А теперь третья часть, — Нань Тан перелистнул страницу. — Здесь каденция требует от исполнителя абсолютного контроля над пальцами.

Его пальцы ускорились, плотный поток нот обрушился, как водопад. Чередование высокого и низкого регистров было таким быстрым, что рябило в глазах. Му Тан крепко сжал край куртки, ладони взмокли. Он знал, насколько сложна эта часть: просто сыграть ноты правильно стоило сотен часов тренировок, не говоря уже о том, чтобы, как Нань Тан, наполнить их такой глубиной и переживаниями.

На пике кульминации дыхание Нань Тана участилось, на висках выступили капельки пота. Запах шампанского внезапно стал густым, обжигающим, словно пузырьки лопались прямо в воздухе. Сидевшие в первых рядах омеги инстинктивно прижали руки к подавителям, в их глазах мелькнула паника.

Сердце Му Тана бешено колочалось, железа на затылке горела огнем, действие подавителя стремительно сходило на нет. Он чувствовал, как его собственные феромоны просачиваются наружу — не тот аромат роз, что он представлял, а более тонкий, с оттенком утренней росы, который, смешиваясь с шампанским Нань Тана, создавал странный, завораживающий коктейль.

В этот миг пальцы Нань Тана замерли.

Последняя нота зависла в воздухе и тихо опала, как капля дождя на подоконник. Он поднял взгляд на зал, и, когда его глаза встретились с Му Таном в последнем ряду, сердце того сжалось.

Взгляд Нань Тана был спокойным, но Му Тан будто увидел под этой гладью легкое волнение, словно пузырьки в шампанском, что неумолимо поднимаются вверх. Аромат шампанского начал рассеиваться, возвращаясь к своей первоначальной прохладе, будто эта густота была лишь иллюзией.

— Сложность Рах-три в том, чтобы сохранить эмоциональную связность посреди виртуозной техники, — Нань Тан отвел взгляд и закрыл ноты. — Многие тратят всю энергию на технику, забывая, что по сути это лирическое стихотворение.

Он начал рассказывать об истории создания, от биографии Рахманинова до атмосферы того времени и места этой пьесы в его творчестве. Говорил он уверенно, легко оперируя примерами — от Чайковского до Прокофьева, — но всегда возвращался к главному.

Му Тан слушал очень внимательно. Хотя для понимания терминов ему требовалось время, объяснения Нань Тана словно разворачивали перед ним карту, и сложная музыка вдруг становилась ясной. Он заметил, что во время лекции Нань Тан машинально постукивал пальцами по краю кафедры, имитируя ритм игры — скорость и сила движений были в точности такими же, как на рояле.

— ...Поэтому техника — это скелет, а эмоции — плоть, — Нань Тан закончил и посмотрел на часы. — Оставшееся время можно посвятить вопросам.

В классе повисла тишина. Наконец, один из парней в первом ряду поднял руку:

— Преподаватель Нань, какими качествами, по-вашему, должен обладать исполнитель Рах-три?

— Талант, усердие и еще кое-что... — Нань Тан помолчал, глядя на рояль. — Способность чувствовать боль.

Его голос был тихим, но в зале воцарилась полная тишина. Му Тан смотрел на его профиль, солнечный свет падал на высокую переносицу, отбрасывая тонкую тень. Запах шампанского почти растворился в воздухе, но Му Тан все еще мог его уловить, словно знал, в каком уголке оно прячется.

Вдруг Ли Вэй поднял руку, его голос звучал нарочито слащаво:

— Учитель, вы сказали, что нужна эмоциональная отдача. Может, омеги подходят для этого лучше, чем альфы? В конце концов, мы более чувствительны.

По залу пронесся шепоток. Му Тан нахмурился — провокация была слишком очевидной. Хотя в консерватории было много омег, на кафедре фортепиано доминировали альфы, и Ли Вэй явно лез на рожон.

Нань Тан не разозлился, он просто спокойно посмотрел на него:

— Музыка не делится по вторичным половым признакам, только по искренности. Рахманинов был альфой, но написал самые нежные мелодии. Шуман был бетой, но играл чувственнее любого омеги.

Он перевел взгляд на рояль и постучал пальцами по крышке:

— Перед роялем есть только исполнитель. Никаких альф, бет или омег.

Лицо Ли Вэя побледнело, он замолчал.

Чжоу Мин впереди украдкой показал Нань Тану большой палец. Му Тан не удержался и слегка улыбнулся, но, решив опустить голову, вдруг поймал на себе взгляд Нань Тана.

В этот раз он увидел всё четко. В глазах Нань Тана больше не было утренней отстраненности или лекторской концентрации, в них мерцала легкая улыбка — как пена на поверхности шампанского, которая лопаётся от малейшего прикосновения.

Аромат шампанского снова стал гуще, принесся с собой тепло, долетевшее до самого последнего ряда. Затылок Му Тана снова зазудел. Он машинально коснулся его рукой — металлическая поверхность подавителя была горячей.

Он вдруг осознал: он способен чувствовать эмоции Нань Тана через изменения в его феромонах.

От этого открытия сердце забилось чаще. Му Тан уткнулся в книгу, делая вид, что читает. Мимо ушей пролетали ответы Нань Тана на другие вопросы, он не слышал ни слова, в голове крутился лишь этот момент: взгляд Нань Тана, запах шампанского и странный зуд на затылке.

Когда прозвенел звонок, Му Тан не сразу пришел в себя. Нань Тан закрыл ноты, бросил «В следующий раз в то же время, Шопен» и вышел из зала.

Ли Вэй, собирая вещи, нарочно задел его стул и прошепел: «Лисица». Му Тан проигнорировал его, глядя, как Нань Тан исчезает в дверях. Запах шампанского постепенно угасал, пока в воздухе не остался лишь едва уловимый аромат роз — его собственный.

Чжоу Мин подбежал к нему с восторгом:

— Ты видел, как он на тебя смотрел? Это было что-то другое, да?

— Да нет, — Му Тан прикинулся дурачком, хотя на душе был полный сумбур.

— Конечно было! — Чжоу Мин хлопнул его по плечу. — Во время лекции он все время смотрел на последний ряд, точно на тебя. Кстати, что вы там делали утром у озера?

— Ничего, просто случайно встретились, — Му Тан подхватил рюкзак и встал. — Я в общежитие.

Когда он вышел из Западного корпуса, закатное солнце растянуло тени. Му Тан коснулся подавителя — металл остыл, но зуд не исчез, он пополз вдоль позвоночника прямо к сердцу.

Он посмотрел на небо: закат был красным, как роза, и этот цвет странным образом сочетался с запахом его феромонов.

Этот чужой мир, эта жизнь, принадлежащая «Му Тану», кажется, действительно переплелась с запахом шампанского Нань Тана.

Словно соната, звучавшая вразнобой, наконец нашла свои верные ноты.

<http://bllate.org/book/18827/1832491>